

Георгий САТАРОВ:

«ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО У НАС ЕЩЕ ОЧЕНЬ МОЛОДОЕ»

– Георгий Александрович, прежде всего, позвольте Вам как участнику недавно прошедшего Гражданского форума задать вопрос о том, как Вы оцениваете проведенное мероприятие, какие Вы видите результаты Форума и оправдались ли лично Ваши ожидания?

– Первое. Я считаю, что в принципе данное мероприятие так, как оно мыслилось в идеале, – бесспорно, полезное. Второе. Организовано оно было не лучшим образом. И с точки зрения организации в узком смысле этого слова, и с точки зрения интеллектуальной организации (структурирование тем, «круглых столов»), на мой взгляд, было несколько недоработано. Третье. Власть, в широком смысле этого слова, если говорить о наборе так называемых переговорных площадок, которые проводились в рамках этого Форума, была готова к диалогу чрезвычайно слабо. Но тем не менее есть и положительные моменты.

Во-первых, власть сама себя поставила в некую ситуацию, когда, сказавши «А», она обязана говорить «Б», «В» и так далее. После завершения работы Форума делать вид, что все забыли, что помимо власти существует еще и общество, уже нереально. Значит, как-то, в каких-то формах это должно продолжиться, то есть хотя бы формальные структуры для диалога возникнут. Дальше следующий

Георгий Александрович САТАРОВ

Родился 22 августа 1947 г. в Москве. В 1972 г. окончил математический факультет МГПИ им. В.И. Ленина. Кандидат технических наук (по специальности «Управление в социально-экономических системах»). До 1990 г. работал на кафедре программирования и вычислительной математики МГПИ, пройдя путь от младшего научного сотрудника до руководителя сектора в исследовательской лаборатории; занимался применением математики в педагогике, психологии, социологии, истории, политологии и т.п. В 1990 г. создал совместно с Сергеем Станкевичем Центр прикладных политических исследований «ИНДЕМ» («Информатика для демократии»), который возглавлял до весны 1993 г., был его научным руководителем.

В 1993 г. Георгий Сатаров Указом президента РФ был назначен генеральным директором Российского общественно-политического центра (РОПЦ). С февраля 1993 г. по февраль 1994 г. – член Президентского совета, участник Конституционного совещания по разработке новой Конституции РФ. С февраля 1994 г. по сентябрь 1997 г. – помощник президента РФ. С 1994 г. – член Объединенной комиссии по координации законодательной деятельности. С мая 1997 г. – член комиссии по разработке проекта программы государственного строительства в Российской Федерации. В октябре 1997 г. избран президентом фонда «ИНДЕМ» (правопреемника Центра «ИНДЕМ»). Автор более 200 научных работ в сфере прикладной математики, политологии, социологии. Автор многих газетных и журнальных публикаций. С 1999 г. преподает в Московском Государственном Университете. Член общественного совета при ФСНП, член СВОП, член общественного экспертного совета Мирового банка по проблемам государственного управления и коррупции.

Женат, имеет двух дочерей. 28 апреля 2000 г. В.В. Путин вручил президенту регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (Фонд «ИНДЕМ») Г.А. Сатарову Орден Почета за заслуги перед Отечеством.

вопрос: будет ли от этого какая-то польза. Во многом это будет зависеть, конечно, и от самих представителей гражданского общества, как они воспользуются представившейся им возможностью: сведется все это к предоставлению индивидуальных челобитных (как это было, например, утром в первый день на Гражданском форуме) или это будет нечто конструктивное и общественно значимое. Шанс для этого не утерян и хотя бы для этого стоило проводить Гражданский форум. Вот вкратце примерно так.

– В ходе Гражданского форума на «круглом столе» 21 ноября в «Президент-отеле» Вы сказали, что данный Форум создан не для того, чтобы создать гражданское общество, поскольку оно уже существует, а с целью разработки механизмов взаимодействия общества и власти. А как Вы считаете, возможно ли за несколько дней разработать такие механизмы или же Форум – это некая точка отсчета в данном процессе?

– Да, это некая точка отсчета, это такой толчок. Хотя бы увидели друг друга – уже хорошо. Что-то запустится – тоже хорошо. Конечно, за два дня ничего нельзя создать – нереально. Но, как я уже говорил, сказавши «А», надо говорить «Б», и если представители гражданского общества зубами в это вцепятся – это хорошо, значит, между гражданским обществом и властью будут конструироваться какие-то переговорные площадки. Но на это, бесспорно, уйдет время.

– А какие Вы сами видите, хотя бы в краткосрочной перспективе, механизмы взаимодействия власти и общества в существующих на сегодня российских реалиях?

– Дело в том, что некоторые механизмы уже существуют, но они находятся пока что в совершенно зачаточном состоянии. Где-то губернаторы, где-то министры создают, например, какие-то общественные советы при своих ведомствах, министерствах. Первое, что нужно сделать, чтобы отбор людей, которые на таких переговорных площадках контактируют с властью по конкретным проблемам, производился не властью, а обществом,

чтобы общество диктовало: на эту тему с вами будут говорить не те, кто вам нравится, а те, кого мы, общество, уполномочиваем на эту тему с вами вести переговоры. Поэтому первая задача – это изменение содержания и статуса существующих переговорных площадок, вторая – конструирование новых, причем совершенно не обязательно, чтобы это были какие-то постоянно действующие органы, они могут быть созданы под конкретную проблему. Например, под проблему административной реформы, чтобы ее обсудить, сконструировать, запустить или, скажем, для контроля за реализацией принятых решений. В этом могут участвовать частично те же люди, частично другие. Нехорошо, когда контролируют исполнение те, кто являются авторами идеи.

Плюс ко всему, что я считал бы крайне полезным, – это появление каких-то пусть узких, но абсолютно ясных и показательных примеров: вот, смотрите, была создана такая-то переговорная площадка и как она сработала. Например, есть проблема распределения средств бюджета, налогоплательщиков через тендеры, аукционы, конкурсы по закупке и прочее. Источник коррупции здесь, как известно, фантастический, это прямые бюджетные потери. В некоторых постсоветских странах уже появляется такая практика, когда в тендерные комиссии включают представителей общественных организаций в качестве наблюдателей. Эти наблюдатели не принимают решения, их функция только одна – следить за процедурой, честно проведен конкурс или же нет. Если не честно, то общественные организации «на весь мир» об этом «кричат»: здесь обман, здесь крадут! Вот и вся функция. И в этом случае, я вас уверяю, что за год только одним этим можно сэкономить существенные суммы и можно посчитать, каков был вклад общества в это дело. Показать: сэкономлено столько-то, предположим, миллионов долларов на этом конкретном тендере. И появление двух-трех таких вещей было бы крайне важно и показательно, при этом не обязательно в такой форме, можно было бы что-нибудь

На рабочем совещании у первого президента России Б.Н. Ельцина

и другое придумать в таком же духе. То есть все это было бы крайне полезно для раскручивания маховика взаимодействия власти и общества в целом.

– **Георгий Александрович, в связи с этим хотел бы Вам задать вопрос относительно коррупции и борьбы с ней. 21 ноября на «круглом столе» Вы рассказали очень интересную историю о мэре одного из российских городов, который неожиданно для себя открыл, что честный тендер ему выгоден. Но ведь это в том случае, если он хочет, например, на оставшиеся средства отремонтировать больницу и предъявить это избирателю, а если он хочет просто «заработать» деньги, получив так называемый «откат», как тут быть?**

– А в этом случае как раз и должны быть те овцы, которые кусают волков.

– **Тогда возникает вопрос, а кому это выгодно? Весьма очевидно, что власть в лице президента заинтересована в реальной массовой общественной поддержке, да и сами общественные структуры хотели бы, чтобы их мнение было не просто услышано, но и учтено. Но ведь существует еще и власть в лице государственного аппарата. И то, что российская бюрократия также заинтересована в создании так называемой «машины гражданской экспертизы» весьма сомнительно. Не считаете ли Вы, что начинать надо было с другого конца, например, с широкомасштабной реформы государственного аппарата, с создания постоянно действующего экспертного общественного совета, способного реально конкурировать с аппаратно-бюрократической системой?**

– Здесь представители общественных организаций и президент должны сказать друг другу и объявить друг другу, что если некоторые бюрократы не хотят, например, обеспечения прозрачности тендера, за который отвечают, то и для нас, общества, и для вас, господин президент, это означает только одно, что они хотят только воровать, и мы, все вместе, должны делать из этого практические выводы. Давайте мы с вами так договоримся и так объявим во всеуслышание, чтобы каждый бюрократ знал, что о нем и о дальнейшем пребывании его на посту будут судить так, как он будет относиться к тому, что после беседы с нами скажет господин президент – впредь тендеры проводятся так-то.

А общество к этому уже давно готово. Дело в том, что на региональном уровне в разных местах по той же проблеме коррупции реализуются очень интересные и полезные проекты. Более того, в наш неформальный коллектив организаций, занимающихся этой проблемой – а мы все очень тесно друг с другом взаимодействуем, – постоянно поступают сигналы, что, вот, мэрия города такого-то хочет, чтобы мы приехали туда и

помогли им, допустим, обеспечить прозрачность бюджета или организовать еще что-то подобное. Конкретные представители власти уже начинают понимать, что это выгодно им же. И такие факты сегодня налицо. Поэтому, грубо говоря, захочет это делать Владимир Владимирович или не захочет – это не вопрос, это уже происходит помимо него, потому что может быть кто-то быстрее, чем он это понял, и пытается воплотить в жизнь. Вопрос в том, успеет ли президент запрыгнуть в этот поезд, использует ли он его, или же поезд проедет мимо – это уже как жизнь сложится.

– **Георгий Александрович, не считаете ли Вы, что за идеей власти помочь оформиться гражданскому обществу в России, а соответственно, сделать наше общество по-настоящему свободным и сильным, стоит совершенно другая мотивация, а именно: сплотить население вокруг и во имя великой патриотической цели, то есть безоговорочной поддержки власти, а поскольку население должной активности не проявляет, нужно организовать его в гражданское общество?**

– Нет, это нереально. Это все равно что пытаться руководить движением каждой одной отдельно взятой молекулой в стакане. Единственное, что вы можете сделать с водой в стакане, – это либо нагреть воду (получится пар), либо охладить воду (получится лед), но руководить каждой молекулой вы не в состоянии. Вы можете в стране ввести диктатуру и заморозить движение этих молекул, то есть состояние гражданского общества перейдет в состояние льда, вы можете, наоборот, разогреть этот стакан и довести его до кипения – появится пар, пар начнет крутить турбину, турбина будет вырабатывать ток, будет лучше. Но вот следить за каждой отдельной молекулой бесполезно.

– **Понятно. А как Вы в таком случае могли бы прокомментировать появившуюся в прессе (в частности, в «Независимой газете» от 21 ноября) информацию о том, что премьер Касьянов дал жесткую команду всем министрам обязательно быть на данном мероприятии?**

– Это просто есть некая форма идиотизма. Будет он там или не будет – это неважно, важно другое: с чем туда придет министр. Он придет туда вынужденно по приказанию премьера, или же он придет, туда, потому что он действительно в этом заинтересован, готов общаться и взаимодействовать. Я видел много примеров, когда высокопоставленные чиновники приходили на Форум, на его «круглые столы», и что общались они на этих переговорах площадках, что не общались – разницы никакой. Я уже сказал, что власть была не готова к этому диалогу, так как отдать президентское

поручение работникам его администрации и министрам прийти тогда-то туда-то – это есть не готовность, а отчетность.

– **Как Вы оцениваете позицию некоторых российских правозащитников (например, Льва Пономарева), основанную на том, что данное мероприятие – это некая «кремлевская хитрость», очередная попытка создания некоей модели «управляемой демократии»?**

– Их позиция состоит вот в чем: во-первых, в той оценке, которую вы сформулировали, в этом диагнозе, во-вторых, в действиях, которые вытекают из этого диагноза, то есть в том, что в этом не нужно участвовать. Вот смысл

На отдыхе

позиции: если у власти такие нехорошие намерения, то мы не будем в этом участвовать. Но тем не менее указанные господа с удовольствием ходят в магазин, покупают там кефир, хлеб, одежду, электронику, несмотря на то, что собственники предприятий, которые все это производят, движимы корыстными намерениями, они все, мерзавцы, хотят получить за наш счет прибыль. Все эти «буржуи», владельцы предприятий почему-то не являются бесребрениками. Так вот, если некоторые наши правозащитники настолько последовательны и считают, что при наличии отрицательных мотивов, независимо от возможных результатов действий, нужно все игнорировать, пусть они перестанут покупать и потреблять хлеб, кефир, одежду, электронику и так далее только по той причине, что производящие их «буржуи» хотят лишь максимизировать свою прибыль. Да, я понимаю, это логика, доведенная до абсурда. Но дело в том, что они-то эту логику уже давно довели до такого состояния, потому что была ложная посылка: если намерения и мотивы власти плохи, то плохи и ее действия. Так вот, это неверно. Могут быть корыстные мотивы, но при этом и полезные для общества действия – так устроена в том числе и конкурентная экономика: корыстные мотивы получения максимальной прибыли у предпринимателей оборачиваются нашей пользой, они дерутся друг

В кругу единомышленников

с другом за производство лучших товаров для нас, чтобы мы их покупали. С властью то же самое, какая разница, из каких мотивов она действует? Мы можем обернуть это с пользой для себя или нет? Да, но только при одном условии – если в этом участвуем. Если не участвуем, то льем воду не на свою мельницу.

Предположим, вы видите рекламу, например, нового порошка. Что там сказано, в чем смысл рекламы? Мы наконец-то сделали то, без чего вы не можете прожить, смотрите, как вам хорошо! Конечно, в рекламе не написано, что мы наконец-то сделали то, с помощью чего мы можем победить наших конкурентов и получить большую прибыль. Политический рынок несколько по-другому устроен. День распродажи – это выборы. Власть, например, выдвигает такую рекламу: мы любим гражданское общество, и здесь мы можем подозревать, что на самом деле они хотят получить прибыль в день выборов. Но мы говорим, что раз вы любите гражданское общество, то из этого вытекает то-то и то-то, давайте это делать, вы имеете право на эту рекламу, а на выборах мы сами решим, что делать.

– **Теперь давайте затронем проблему свободы слова в современной России. Как Вы оцениваете ситуацию вокруг СМИ (в частности, то, что произошло с НТВ, то, что сейчас происходит вокруг ТВ-6 и «Эха Москвы»), я уже не говорю о печатных СМИ и многочисленных региональных телекомпаниях, радиостанциях, газетах и журналах)? Не считаете ли Вы, что мы наблюдаем сознательную политику государства на самом высоком уровне, политику подавления свободы слова?**

– На самом деле здесь есть и политическая борьба (потому что первоначально «наезды» власти на Гусинского и Березовского – это были «наезды» на политических противников) и, как производное от первого, это, безусловно, «наезд» на свободную прессу. Тут только надо понимать, что независимая – это не значит хорошая пресса, точно так же, как государственная пресса – это не значит, что это хорошая пресса, и та и другая может быть

и плохой, и хорошей. Тем не менее, я считаю: то, что сейчас происходит – если не сознательная политика ограничения независимой прессы как таковой, то некие действия, которые могут превратиться в такую политику. И здесь, если говорить о теме Гражданского форума, это совершенно ей противоречит, поскольку по определению гражданского общества независимая пресса – один из трех китов, на которых это гражданское общество стоит, одна из трех основных составляющих гражданского общества.

– **На Ваш взгляд, существующее на данный момент гражданское общество, а если точнее, в том числе и те организации, которые были приглашены на Гражданский форум, они реально могут встать сейчас на защиту конкретно того же ТВ-6, «Эха Москвы» и так далее?**

– Потенциально да, никто не мешает им это сделать. Если они поймут, что «проехав» по одной независимой телекомпании, можно и не останавливаться, и что дальше жертвой может стать кто угодно, то в принципе они должны обеспокоиться. Но мне кажется, что данная тема еще не очень осознана. Гражданское общество у нас очень молодое, на уровне ребенка, и ему еще взростеть и взростеть.

– **Георгий Александрович, как Вы считаете, почему во время пребывания у власти Б.Н. Ельцина ни у кого даже мысли, даже намек не возникало**

относительно ограничения свободы слова со стороны государства?

– Здесь имеет место много обстоятельств. Во-первых, у Ельцина в течение всей его политической карьеры как публичного демократического лидера был некий большой долг перед свободной прессой, потому что она изначально его поддерживала, и он считал себя ей обязанным. Во-вторых, он как-то умел переживать те нападки, которые на него сыпались (Путину такое даже близко не снилось). Тем не менее напомним, чтобы быть объективным, все-таки было две попытки закрытия нескольких левых газет во время революционных событий 1991 и 1993 годов. В-третьих, Борис Николаевич понимал то, чего ни в коем случае нельзя делать. И что касается свободной прессы, то, безусловно, она входила в это табу.

Сейчас же идет жесткая борьба, в том числе и за информационное, экономическое влияние. Ситуация состоит в том, что долгие годы переходного периода страна жила в серой зоне, где грань между правом и не правом, его нарушением была очень размыта, и в эту зону попадали и хозяйствующие субъекты, и бюрократы, и политики, и СМИ, и так далее. В каком-то смысле это очень удобная ситуация, потому что те, кто обладает рычагами легитимного насилия, могут в любой момент по своему желанию выдернуть любого и предъявить ему претензии, что сейчас и происходит. В настоящее время не ведется масштабной работы по уменьшению этой серой и черной зоны, а происходит борьба за ресурсы, в том числе и за информационные, с использованием этой технологии: выбирается противник (а фактически любому в нашей стране можно предъявить претензии), этот человек из общей серой зоны выдергивается и ему предъявляется счет. И по большому счету подобная практика зарождалась при Ельцине, даже не при Ельцине, а во время Ельцина, скажем, борьба за собственность вот такими методами. Но эта практика не превращалась в часть государственной политики.

Леонид ВОЛЧАНИНОВ

В рабочем кабинете